

ГЕННАДИЙ МУРЗИН

Господа офицеры

(ИЗ АРМЕЙСКОГО ЮМОРА)

Геннадий Мурзин

Господа офицеры.

(Из армейского юмора)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19274190

ISBN 9785447497811

Аннотация

Российская действительность уникальна, как и своеобразны армейское офицерство, юмор профессиональных служивых людей, их ирония и сарказм. Всего этого предостаточно в коротких рассказах Геннадия Ивановича Мурзина, собранных автором в книгу под названием «Господа офицеры». Юмор, понятно, специфичен, так как он армейский, по-мужски дерзкий и прямой.

Содержание

Настоящий полковник	7
Реформатор	13
Опять нажрались...	16
Отпуск, ура!	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Господа офицеры (Из армейского юмора) Геннадий Мурзин

*Смех – одно из самых сильных орудий против
всего, что отжило
(Александр Герцен).*

*Память покрывает трупы поступков ворохом
мертвых листьев, из-под которых они уже только
смутно тревожат наши чувства
(Джон Голсуорси).*

*Правдивой страницы лишь тот и боится, кто
вынужден правду скрывать
(Роберт Бёрнс).*

© Геннадий Мурзин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Геннадий Мурзин (на снимке), как и всякий творческий человек, рассчитывает на обратную связь, поэтому, уважаемые читатели, пишите отзывы либо на электронную почту (gim41@mail.ru), либо в авторской странице издательства.

Настоящий полковник

Полковник Митрошкин, для которого честь русского офицера превыше всего, на редкость честен, поэтому среди дружков закадычных слывет рубахой-парнем, а среди подчиненных – крутым отцом-командиром. Я, говорит он, – не дипломат и, говорит, всяким там подтанцовкам либо расшаркиваниям не обучен; я, говорит, – обычный русский вояка, пропитанный огнем и порохом, и потому, добавляет, рублю матку-правду в глаза.

В самом деле, Митрошкин блюдет офицерскую честь как ничто другое, блюдет даже в мелочах, блюдет до того, что корпусной генерал обычно при встрече похохатывает и снисходительно похлопывает по широченной спине. Быть тебе, говорит, генералом, если, добавляет, опять же похохатывая, меня переживешь.

– Как, переживешь? – спрашивает ласково полковника.

Тот вытягивается в струнку, так вытягивается, что даже начавшее расти брюшко куда-то пропадает, а лысина на затылке запотеваает и от того на солнце начинает поблексивать.

– Никак нет! – гаркает Митрошкин и добавляет. – Ваша жизнь, товарищ генерал, вечна и для российской армии бесценна.

Командир корпуса тычет жирным кулаком в то место, где только что у командира бригады был животик, и ласково го-

ворит:

– Так держать!

Ну, он так и держит уже несколько лет подчиненное ему войнство. Воспитывает во всяком исполнительность. Крут, конечно, иногда, но в российской армии без требовательности – никуда.

Вот и сегодня... Вышел по утру на крыльцо штаба бригады, потянулся до хруста в мощных суставах, оглянулся и что видит? А непорядок видит. И по гарнизону несется его оглушающий рык:

– Где эта рыжая харя?! Сюда его!

И не надо лишних слов: все знают, о ком речь. Через минуту перед ним столбом вырастает «начхоз», то есть заместитель по этой вот самой части. Объяснений для него не требуется: знает загодя, что будет жарко, а потому загодя вытащил носовой платок.

Полковник долго и пристально смотрит на трепещущего майора, до того долго, что у виновника члены начинают затекать. Невмоготу уже, но крепится и молчит, потому как не хочет раздражать командира – себе дороже.

Наконец, полковник цедит сквозь плотно сжатые зубы:

– Почему, моченая рож, приказание не исполнил, а? – Пугающе ласков Митрошкин. Лучше бы, по мнению, «начхоза», – сразу и в рожу. Куда было б определеннее, а то стой тут дурак дураком и соображай (этим, кстати говоря, заниматься для майора смерти подобно), ищи причину ко-

мандирского гнева. Полковник широким жестом обводит газоны, что справа и слева от штабного крыльца. – Ты почему, подлая морда, до сих пор не покрасил? Сегодня – пятница, а в понедельник – из округа прибудет инспекторская проверка. Чуешь?

– Так точно, товарищ полковник! Отлично чую!

– Не я ли тебе говорил, что прибывающий генерал терпеть не может несвежих газонов?

– Так точно, говорили!

– Ну и?..

– Я, товарищ полковник...

– Хочешь подставить своего благодетеля? – Он говорит совсем уже тихо, чем приводит в полное отчаяние «начхоза». Куда привычнее, если бы обложил крепенько так со всех сторон. – А знаешь, на что ты годен без меня? Выведешь из себя, а тогда... Метлу в руки и айда подметать дорожки.

Майор пробует объяснить в очередной раз:

– Я, товарищ полковник, хотел как лучше...

– И, – полковник переходит на шепот, – что дальше?

– В хозчасти, товарищ полковник, не оказалось приличной краски. Сегодня доставил с главной базы. Отличная краска, товарищ полковник, можно сказать, высший сорт, эмаль импортная. Нежно-зеленого цвета – то, что надо. И к тому же, товарищ полковник, пришел к выводу, что прежде чем красить, надобно пройти газонкосилкой.

– Это еще зачем?

– Краска ровнее ляжет, товарищ полковник.

Митрошкин обожает инициативных подчиненных, поэтому морщины на лице разглаживаются.

– Хорошо, – говорит он и напоминает. – Чтоб завтра же исполнить.

– Слушаюсь!

Полковник, потянувшись еще раз и широко зевнув, поворачивается к подчиненному спиной, но, вспомнив что-то, возвращается в исходное положение.

– Краска-то, говоришь, импортная?

– Так точно, товарищ полковник! Отличная краска!

– Ага... Ну, да... Хорошо... Супружница на днях высказалась... В том смысле, что на даче забор требуется подновить... Так ты, голубчик...

– Понял, товарищ полковник! Будет сделано, товарищ полковник! Сейчас же откомандирую в распоряжение вашей супруги двух солдатиков, и ваш заборчик заблестит.

Митрошкину нравится понимание задач и услужливость майора.

– Только, – предостерегающе грозит-таки своим толстым пальцем, – не в ущерб качеству газонов.

– Никакого ущерба не будет. Краски на всё хватит.

– Ну и ладно... Иди, майор, исполняй.

Митрошкин поворачивается и скрывается в штабе.

Полковник понимает, что, несмотря на услужливость, подчиненные могут и подкузывать ведь.

Пару деньков назад командир бригады заглянул на склад, чтобы лично убедиться, насколько хороши продукты для солдатской кухни и вдоволь ли их. Сделав для порядка пару замечаний старшему сержанту-сверхсрочнику, хотел было убыть, но начальник склада вдруг остановил.

– Товарищ полковник, – зная чрезвычайную щепетильность командира, осторожно начал старший сержант Курочкин, – только что привез ягненок... Лично для вас... Мясо нежное-нежное, так что рагу получится... Во рту растает... Сейчас заберете или?..

Складские стены заходили волнами от грозного рыка командира.

– Провоцируешь, Курочкин?! Чтобы я!.. Чтобы российский офицер об это руки пачкал?! В своем ли уме, подлец?

Старшего сержанта бросило в дрожь, а на лбу выступила испарина.

– Виноват, товарищ полковник! Я не так выразился... Извините... Сейчас же... Лично отвезу тушку ягненок вашей супруге.

Митрошкин, довольно хмыкнув, покинул подконтрольный ему объект.

Должность у старшего офицера уж больно хлопотная: особо не расслабишься. Подчиненные офицеры вечно стараются зазвать к себе в гости комбрига. Комбриг не кобенится, но долго в гостях не засиживается: пригубит рюмочку коньячка и спешит восвояси. Зная, понимая и принимая такое

трепетное отношение своего командира к офицерской чести, принимающая сторона заранее комплектует скромный пакетик, ну, значит, своего рода боекомплект, содержащий в себе пару бутылок армянского коньячка, свежей осетринки или балычка, икорки, шоколада и прочего. Комбриг, уезжая из гостей, даже не подозревает, что за его спиной, на заднем сидении джипа трясется «боекомплект», ну, то есть тот самый пакетик. Мелочь, а, я почему-то уверен, приятна Митрошкину. Столь ненавязчивый «презент» сослуживца дорогого стоит.

Митрошкин – кремень, а и он подвержен отдельным слабостям. По женской части, например. Но и тут не теряет офицерской чести. К бабе в мундире? Ни-ни! Только в гражданском. Конечно, для Нюрки-любовницы он предпочтительнее, так сказать, при параде, ну, то есть при погонах и при блестящем «иконостасе», однако, извините... Не два же горошка на ложку! Стало быть, мундир Митрошкина по-ангельски чист и свеж: ни пятнышка, ни соринки, ни пылинки.

Оставив в стороне ложную скромность, скажу: Митрошкин – настоящий полковник, типичный представитель российского воинства, краса и гордость армии, ее ум, честь и совесть.

С таким-то защитником Отечества не стыдно, более того, престижно прошвырнуться даже по Елисейским полям... Если, конечно, сподобится.

Реформатор

Главный армейский генерал, обуюанный реформаторским зудом, сидит на новом месте и ёрзает, ёрзает. Что-то ему покоя не дает. Сидит и думает. Над чем? Ну, например, над вопросом, чем бы таким заняться, чтобы народ подивить. Ага, идея! И в духе времени.

Приказывает созвать к нему всех младших генералов. Стоят младшие генералы, трусовато поглядывают на гневом полыхающее лицо главного армейского генерала, животики утягивают и думают: «Не избежать, кажись, пиздулей». Короче, ждут своего, положенного по армейскому статусу.

А главный армейский генерал, тем временем, топнув ногой, начинает речь.

– Вы, – кричит, – вконец обрюхатились на казенных-то харчах! В мундиры, – кричит, – уже не влазите! Ну, – грозит кулаком, – покажу вам, научу справному несению службы родимому отечеству!

Младшие генералы стоят смиРНёхонько – и ни гу-гу: привычные к разносам, знают, как в таких моментах себя вести. Высунешься – запросто получишь по сусалам.

Шеф же, окончательно войдя в раж, продолжает речь.

– Поглядите, – кричит, – в окно, что на дворе-то?!

Один из смельчаков, из придворных, видать, решился на ответ.

– На дворе, товарищ главный армейский генерал, солнце, тепло, сухо – благодать.

– Благодать, тупица ты этакий? Я те покажу благодать... Запомнишь на всю оставшуюся жизнь!

– Виноват, товарищ...

Товарищ обрывает по-товарищески:

– Закрой хайло, когда старший по званию говорит!

– Слушаюсь!

– То-то же! На дворе, безмозглые твари, не семнадцатый век, а, учтите, двадцать первый. А в армии что, толстопузые вы мои? – Не дождавшись реакции, сам же и отвечает. – В армии – дремучая старина, – младшие генералы переглядываются, понять ничего не могут, куда клонит шеф, на что намекает. – Вот, допустим, солдатские обмотки...

Кто-то (из тех, что поближе к выходу) тихо бурчит:

– Не обмотки, а портянки...

– Разговорчики в строю! – обрывает шеф поползновения в сторону демократии, однако поправляется. – Портянки в наше время для солдатака – это все равно, что лапти для суворовской армии, – младшие генералы согласно кивают и одобрительно гудят. – Приказываю: отныне солдат должен носить носки.

И уходит в войска соответствующая директива. Шла она, шла, в конце концов, достигла солдатака, получившего, вместо портянок, носки. Крутит их солдатик перед собой, разглядывая, хмыкает.

– Побегая, – рассуждает он, – денек по плацу и что будет? Ремок! А после? – солдатик чешет затылок. – Разве что босиком... Для армейского бюджета, – практически считает он, – какая экономия! И сапоги целы, и носки чисты. Чего с ногами случится? Для их же пользы... Древние люди тыщи вёрст босыми хаживали и ничего... – оптимистично заканчивает служивый свой монолог.

...И завершился долгий век русской портянки. Помянем ее!

Опять нажрались...

Подполковник Варивода достал из кармана форменных брюк клетчатый платок, вытер им лысину на затылке, встал, вышел из-за стола, подошел к окну и шумно раскрыл одну из створок.

– Сдохнуть можно, – ворчит он вслух. – Какую неделю – жарит и жарит... Спасу нет... Ящик, – это он про кондиционер, – и тот не справляется с поставленной задачей. Двинуть домой, что ли, и принять чего-нибудь этакого... холодненького? Пожалуй...

Тут он напрягается, так как из окна доносится ядерный мужской ржачь. Он укладывает на подоконник пухленький животик и высовывается наружу. Вертит головой. Влево смотрит: всё в полном аккурате, то есть ни единой живой души. Смотрит вправо... Определяет, что шумно в одной из комнат, самовольно превращенной молодыми офицерами в курилку.

– Ну, ясно...

Варивода возвращается за стол, аккуратно устраивается в кресле и лишь потом жмет на кнопку. Входит лейтенант Серегин, порученец и, уставившись, ждет распоряжений.

– Сбегай-ка, голубчик, – следует кивок в сторону, – глянь, чем там офицеры занимаются... Уж больно веселы...

Через минуту порученец вернулся.

– Ну и?..

– Трепотня одна, товарищ подполковник... Не берите в голову...

– То есть?

– Хвастаются друг перед другом..

– На тему?

– Чья любовница проворнее в постели.

– Это хорошо, – Варивода хмыкает. – Свободен.

Порученец уходит. Через полчаса подполковник вновь высовывается в окно и убеждается: в курилке пуще прежнего гогочут.

– Непорядок, – грозно сдвинув брови, говорит он и нажимает на кнопку.

Появляется порученец.

– Они, – Варивода куда-то кивает, – по-прежнему ржут...

Сходи и узнай, в чем теперь дело.

Порученец уходит и тотчас же возвращается.

– О чем сейчас? – интересуется подполковник.

Порученец ухмыляется.

– О чем могут мужики трепаться в час досуга, если не о бабах?

Проходит еще полчаса. Варивода продолжает прислушиваться и замечает, что голоса офицеров стали приглушённые. Настораживается и посылает вновь порученца узнать, в чем дело.

Порученец, вернувшись, докладывает:

– С баб, товарищ подполковник, перешли к службе.

– А точнее?

– Про вас злословят... Костерят, на чем свет стоит.

Подполковник вскакивает.

– Вот, свиньи!.. Ничего не соображают... Опять нажрались до порослячьего визга!..

Отпуск, ура!

Штаб полка. В своем кабинете, развалясь и почесывая пузо, сидит командир. Скучающим взглядом лениво водит по потолку и стенам.

Входит Иванишин.

– Товарищ подполковник, по вашему приказанию старший лейтенант... прибыл!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.